

Сергей Гнедой

Стихотворения

Родился в Киеве в 1951 г. Профессия – микробиолог. Собственные стихи не публиковались. Публиковались переводы с грузинского (Отар Мампория, «Окраина сада», изд. «Мерани», Тбилиси, 1987). Последние двадцать лет занимается фотографией, провел 20 персональных выставок в России и Европе (Мюнхен). Выпустил две фотографических книги: «Киммерийские этюды» (2012) и «Argentum, или Вещество существования» (2022). Живет в Боровске Калужской области.

Трамвай

Туманом осени вечерней,
со скрипом двери раскрывая,
неторопливо шёл кочевник,
себе о чём-то напевая.

И одиноко взгляд светился,
холодный пробивая сумрак,
и он рыдал и веселился,
как бесприютный недоумок.

Как призрак счастья и печали,
недосягаем и бесплотен,
и колотушкой стучали
его шаги на повороте.

И всё пытался объяснить
и довести в ночлег укромный.
И, не прощаясь, раствориться
в тумане осени огромной.

* * *

Лиловой ночью живопись лимонная
сияньем озарится света лунного:
глаза, запястья, ваза с анемонами –
всё золото из клока счастья рунного.

Случатся превращенья обоюдные,
растратятся удачи бесполезные...
Лиловой ночью, влажные и юные,
закружатся стихи на льдистом лезвии.

Не помышляйте о предназначении, –
оно темно, и нет ему названия.

Лиловой ночью в лунном облачении
стихи обходят улицы и здания.

И забредают в комнаты казённые,
играя бубенцами несказанными,
не принятые, будто прокажённые,
не понятые, с именами странными.

Им судей нет. Напрасные старания
пытать слова до красного каления.
Они умрут, бессмертные заранее,
и возвратятся в третьем поколении

лиловой ночью под луной лимонною,
в клочке руна, без времени забытого,
в глазах, запястьях, вазе с анемонами,
соединяя вдребезги разбитое.

* * *

И дольше века длится день
Борис Пастернак

И долго длился этот день:
лил тихий дождь на подоконник,
застыла на пороге тень,
и на картине замер конник,

и цвёл безудержно жасмин
и сумасшестввовал на вдохе,
и счастья острый ужас с ним
присутствовал, и о подвохе

не знала бедная оса,
лежала книга средь затишья
и повторяла голоса
раскрытого четверостишья.

Из крана капала вода,
по капле меря необъятность,
пытаясь вычислить, когда
иссякнет. Эту вероятность

всё отвергало без причин
и признаков, и все причуды
в рапиде дождевом бесчин-
ствовали. Звон посуды

над белой скатертью завис.
Оса по форточке плутала
наискосок и сверху вниз.
С улыбкой женщина читала.

И был прекрасен этот день...

* * *

Ещё нет времени и места,
и не рождённая, легка,
ещё не ведаёт фиеста
плаща, безумия, быка.

Всё в ожиданье дня и знака,
и дремлет изнемогший звук,
как дремлет чуткая собака,
и тесно в почках листьям рук.

И душно веткам, веткам, веткам,
апрельской ересью дыша,
в каморке ветхой, ветхой, ветхой,
где примостила душа.

Где перемешан, перепутан
зелёный шум и белый свет,
не озабоченный как будто
одышкою февральских бед.

Не озаглавленный, не спетый,
дикарь, не знающий сполна,
как половодьем мутной Леты
смываются осколки сна,

разбитого на полувдохе
в ночном горячем кутеже,
где боль и счастье – в каждой крохе,
где лёд истории уже.

Лёд пропитал вино и угли,
и дух его неутомим,
но жжёт фарфоровые букли
на керосинке тощий мим.

И значит – жить не безнадёжно,
луна детей рождает впрок,
и колет мим себе подкожно
её зелёный горький сок.

Всё длится, длится, как паденье
живой росинки в океан.
И мнится, мнится возвращенье,
и не осудится обман.

И вот уж осень, осень, осень...
И дыма кольцами, легки,
выписывают восемь, восемь
апрельские еретики.

* * *

Неторопливы ствол и тишина.
Трава и птица лишены уродства.
И этим так душа поражена,
что оживает, забывая скотство.

И примеряет листья и перо,
и тем пытаюсь мудрости набраться,
чтобы потом, где мутно и серо,
не позабыть спасительного братства.

Глоток покоя голову кружит.
Чего же в этом мире не хватает?

Лесной дорогой женщина спешит
и вдалеке под липами мелькает.

И расстоянием преображена,
В просвете веток, наподобье чуда,
и не понять, куда идёт она –
сюда навстречу или прочь отсюда.

Улисс

Где, Улисс, твоя отчизна,
дом седой, заросший сад?
По кому справляют тризну
и не ждут уже назад?

Но тебя свербит иное -
пряный ветер, млечный путь...
Новых истин не открою,
старых – потеряю суть.

Помоги, бродяга Улисс,
опусти в ладонь мою
пыль левантских вечных улиц
Ойкумены на краю,

горсть песка, щепотку пепла –
вот наука и трофей.
Жизнь читаем только бегло
в щёлку ржавую дверей.

Оглянись, беглец, не хмурясь,
дай запомнить взгляд и взмах.
Створки раковин сомкнулись,
соль осталась на губах.

Ну, ступай! Плыви, безумный!
Парус ставь, руби канат.
Жезл нептуновый трезубный
подгоняет, будто в ад.

Скрылся. Ни следа, ни звука.
Зной и камень под ногой.
Всё знакомо, тишь да скука!
Всё известно под луной.

Лишь беглец не верит в это.
Что ему забытый сад?
Но переплывает Лету
и торопится назад.

* * *

И тайнопись летящего листа
китайской тушью в середине ночи
прольётся в глушь сентябрьского куста.
Вещей всё больше. Время всё короче.

И чтоб утрату чем-то оправдать,
плывёт кораблик по реке уснувшей.

Вещей всё больше. Крысам – благодать,
а за бортом – день будущий, минувший...

Плывёт кораблик, палуба дрожит,
доносчикам не спится и пророкам,
и птица беспокойная кружит.

– Не множьте сущее – во сне бормочет Оккам –

без надобности... Юная луна
увидит под собой ночную птицу,
кораблик, палубу и спятивший с ума
лист, осени впряжённый в колесницу.

* * *

Вечерним городом вечерний человек
спешит вчерне закончить этот город,
которым он, как иглами, исколот,
и невозможным кажется побег.

А город занят вечною игрой:
спешит ко сроку совершить покупки,
до счастья, до невидимой зарубки
достать огромной каменной рукой...

И тяготит избыточность его.
И человек, уменьшенный и плоский,
вчерне тачает чёрные полосы
и белые – не много их всего.

И он торопится, вот-вот придут за ним
и молча останоятся у двери
не то чтоб люди, и не то чтоб звери,
как шляпу, на крючок повесив нимб.

Вот-вот придут другие времена:
вечерний город – утренний – полдневный...
Жизнь снова кем-то обременена,
и чей-то голос нарастает гневный...

Но город крепко знает ремесло,
проглотит этот голос, как зевоту,
его уже забвеньем занесло,
и – за бессмысленную, вечную работу...

...Вновь сумерки. Вечерний человек,
к чему, на милость, грех стихосложения?
Твой город производит калек,
А те грехом страдают несваренья.

Но в безымянной, чёрной высоте,
какой-то мыслью странною согрета,
над городом, как бред о доброте,
летит душа забытого поэта.